

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/14

ДÁМЕ SI PIVKO NEVO ČAJÍČEK? ЖАНРОВЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.В. Филь¹, З.И. Резанова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: 2fil@inbox.ru

²E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторское резюме

В статье характеризуется варьирование прагматических функций диминутивов в славянской речи. Исследование основывается на положениях теории лингвистической относительности, теории дискурса, функциональной теории словообразования и дескриптивных исследованиях славянской языковой картины мира. Выявляется спектр прагматических аспектов семантики диминутивов, контекстных и конситуативных условий актуализации единиц данной группы. Проводится сравнительный анализ их реализации в двух славянских языках: русском и чешском. В качестве конкретного материала анализа избраны контексты функционирования единиц тематической группы «напитки» *чаек* и *пивко, pivko* и *čajiček*. Источник анализа – данные Национального корпуса русского языка и Чешского национального корпуса. В результате исследования выявляются и характеризуются обусловленность конкретизации семантики и функций диминутивов, их дискурсивно-жанровая закрепленность наличием традиций чаепития в русской культуре и угощения пивом в чешской и, напротив, отсутствием культурно закрепленной длительной традиции питья и угощения пивом в России и чая – в Чехии. Различие культурных влияний проявляется в варьировании частотности использования слов *чаек* и *пивко, pivko* и *čajiček*, а также в варьировании денотативного и прагматического компонентов семантики исследуемых лексем.

Ключевые слова: диминутив, русский язык, чешский язык, жанры, типы речи.

DÁME SI PIVKO NEBO ČAJÍČEK? GENRE AND CONTEXTUAL CONDITIONS OF DIMINUTIVES USE IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES

Y.V. Fil¹, Z.I. Rezanova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: 2fil@inbox.ru

²E-mail: rezanovazi@mail.ru

Abstract

The article describes the variation of diminutives pragmatic functions in Slavonic speech. The study is based on the ideas of linguistic relativity, discourse theory, functional theory of word formation and descriptive studies of the Slavic language picture of the world. The authors reveal a range of pragmatic aspects of the semantics of diminutives, contextual and con-situational conditions for the actualisation of group units. A comparative analysis of their implementation in Russian and Czech is based on the functioning contexts of the units of the thematic group “beverages” ‘чаек’ and ‘пивко’, ‘пивко’ and ‘čajiček’. The data of the National Corps of the Russian language and the Czech National Corps are used as the source of the analysis. The authors determine and describe conditionality of concretisation of semantics and functions of diminutives, their discursive-genre fixation by the tradition of “chaepitie” (tea drinking) in Russian culture and beer catering in Czech and, on the contrary, the lack of a culturally fixed long tradition of drinking and serving beer in Russia and tea in the Czech Republic. The difference in cultural influences is manifested in the variable frequency of using ‘чаек’ and ‘пивко’, ‘пивко’ and ‘čajiček’ and also in the variation of the denotative and pragmatic components of the lexemes’ semantics.

Keywords: diminutive, Russian, Czech, genres, types of speech.

Развитое диминутивное словообразование – яркая отличительная особенность деривационной подсистемы русского языка, что неоднократно отмечалось в литературе (Земская 1979; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Вежбицкая 1996 и др.). Заметим, что эта особенность объединяет русский язык с другими славянскими языками и в значительной степени отличает славянские языки от деривационных систем иных индоевропейских и неиндоевропей-

ских языков, например тюркских. В российской научной традиции охарактеризованы яркие отличительные черты славянских диминутивных суффиксов:

1) функционально-семантический синкретизм: совмещение элементов дескрипции, рациональной («меньше нормы») и эмоциональной («хорошо» vs «плохо») оценки;

2) возможность варьирования каждого из компонентов синкретичной семантики (рационально-оценочный компонент: меньше по размеру (*домик*), по количеству (*попьем чайку! положить кашки?*), по интенсивности (*ветерок дует, утренняя пробежка, снежок идет*), по социальной значимости (*что ты мне бумажки суешь?*), по субъективной, ситуативной значимости (*загляну на часок?*); прагматический компонент, эмоционально-оценочный (ласкательность, одобрение, снисходительность, пренебрежительность и т. п., интенсивность (в соединении другими элементами текста));

3) обусловленность варьирования компонентов семантики влиянием внутрисловного и внешнего контекстов. Под внутрисловным контекстом понимается семантический тип производящей основы, также значимо противопоставление «конкретно предметная семантика vs семантика времени vs вещества vs события». Влияние внешнего контекста подразумевает влияние семантики единиц в пределах высказывания – влияние интенций автора текста, влияние дискурсивных и жанровых моделей коммуникации (см., напр.: Резанова 2005; Резанова 2017).

В данной статье мы продолжаем исследовать влияние конситуативных факторов на реализацию диминутивной семантики, расширяя границы до жанровых и далее дискурсивных факторов, исследуя «этнокультурно обусловленные типовые социальные ситуации» как прототипические ситуации порождения и активного использования данных единиц. Эта задача может решаться только с привлечением материала разных языков. В представляемой статье мы сравниваем использование единиц с тождественным денотативным значением в русском и чешском языках. Конкретным материалом анализа послужили диминутивы, называющие напитки *чаек* и *пивко* (рус.) и *pivko* и *čajiček* (чеш.). Мы рассматриваем влияние типовых моделей коммуникации, порождаемых в типовых этнокультурно обусловленных социальных ситуациях.

Основными источниками анализа послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Českého národního korpusu (ČNK) (<https://www.korpus.cz/>)¹, являющихся сбалансированными корпусами, репрезентативно представляющими письменные формы коммуникации на соответствующих языках. Они позволяют не

только проследить распределение отдельных форм исследуемых дериватов по формам речи (мы противопоставляем диалогическую речь и нарративы), типичные ситуации использования, типичные речевые жанры (РЖ), речевые акты, типичные контексты (лексическая, лексико-грамматическая сочетаемость), но и провести количественный анализ, выявляющий тенденции, динамику функционального распределения единиц в синхронии и микродиахронии в рассматриваемых языках².

Семантика словообразовательного суффикса анализируемых единиц, образованных от имен со значением вещества, имеет два смысловых центра: собственно оценочный «немного, небольшое количество» и прагматический – выражение отношения говорящего к предмету, через его посредство – к адресату, всей ситуации общения. Диминутивы этого класса проявляют наибольшую степень контекстуальной зависимости реализации семантики.

Итак, мы сравниваем контексты актуализации единиц *чаек* и *пивко* в русском и аналогичных им единиц в чешском: *чаек* ↔ *пивко*, *чаек* ↔ *čajíček*, *пивко* ↔ *pivko* и *čajíček* ↔ *pivko*.

I. Русский язык

Количественный анализ

Проведенное сравнение вхождений в основном корпусе диминутивных форм *чаек* и *пивко* в НКРЯ свидетельствует о значительной функциональной асимметрии данных единиц в русском языке.

Нами были проанализированы контексты использования данных форм, представленные в НКРЯ. На запрос *чаек* в НКРЯ во всех грамматических формах найдено 2 136 документов, 5 487 вхождений, на запрос формы *чайку* – 953 документа, 1 669 вхождений (НКРЯ). Однако в анализируемом фрагменте корпуса омонимия не снята, поэтому мы определили количественное соотношение анализируемых форм и омоформов в первых 500 документах, состав которых нами был проанализирован. В них было представлено 764 использования (вхождения) единиц, исключение из состава омонимичных форм привело к выделению группы актуализованных 582 форм, т. е. соотношение 3:1. Из первых 478 (300 документов) число вхождений диминутива *чаек* – 163, в то время как омонимичных форм (р. п. от *чайка* (птица), «*Чайка*» (марка машины), *Чайка* (фамилия российского чиновника)) – 315, соотношение 1:2. Т. е. мы можем предположить, что в целом корпусе, за исключением омонимов, будет около 3 600 вхождений (актуализаций) диминутива *чайку* от *чай*.

Уточним, что на запрос *чай* найдено 7 212 документов, 44 384 вхождения; на запрос *пиво* – 3 634 документа, 11 738 вхождений.

В это же время на запрос леммы *пивко* получено 277 документов, 432 вхождения, формы *пивка* – 200 документов, 279 вхождений, фор-

мы *пивку* – 10 документов, 11 вхождений. Были проанализированы все контексты.

Таким образом, мы наблюдаем многократное преобладание использования форм *чаек* и *чайку* над *пивко* и *пивку*.

Качественный анализ

Анализ контекстов употребления форм *чаек* и *чайку* показал, что, в то время как *чаек* используется преимущественно в нарративах, сфера преимущественного использования *чайку* в форме второго родительного падежа, обозначающего «некоторое количество соответствующего предмета», – диалогическая речь (220 к 362). При этом в нарративах частотны позиции в косвенной речи.

Охарактеризуем сначала использование диминутивов *чайку* в диалогах. Отмечается безусловное доминирование диалоговых реплик, связанных с ситуацией угощения. В ситуацию угощения, представляемую с использованием диминутива *чайку*, вовлечены два основных субъекта (тот, кто угощает, и тот, кого угощают), периферийно вовлекается третий, который относится к ситуации как персона помогающая, обслуживающая ритуальный акт угощения. В коммуникативной ситуации угощения отмечаем три типовых варианта с использованием диминутивной формы *чайку*.

1. Угощение, где субъект речи – тот, кто угощает: – *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская); «*Точно, сумасшедшая*», – *подумала Вета. – Чайку будешь?* – *спросила старушка* (М. Трауб)³.

2. Просьба об угощении, где субъект речи – тот, кого угощают: *Дорогая, чайку бы мне чашечку, а если найдется печеньице, то и печеньица...* (Н. Берберова).

3. Просьба о помощи, где субъект речи – тот, кто угощает, просьба обращена к третьему лицу: *Давай, Женечка, спроворь чайку, – благодушно сказал хозяин и, сыто отрыгнув, откинулся на спинку мягкого стула* (Д. Корецкий).

Доминирующий вариант актуализации рационально-оценочного компонента – семантика небольшого количества, один из способов выражения смыслов смягчительности, характерных для русской речи, для которой в целом значимы параметры меры и степени при обозначении денотатов разных типов – как именных (*курточка, столбик, красноватый, бледненький* и т. п.), так и глагольных (*приотстать, подзаработать* и т. п.).

Доминирующая прагматическая функция диминутива – создание положительного эмоционального фона коммуникации. Как мы отмечали ранее, одно из ведущих средств в данном случае – использование диминутивных форм с косвенной референцией прагматики. Диминутивная форма обозначения предмета является одним из средств

выражения положительного отношения к партнеру, адресату речи, что в речевом акте угощения способствует созданию положительного эмоционального фона в качестве основания волевого воздействия. Данная прагматическая направленность формируется комплексом лексических, грамматических, лексико-грамматических средств (реализуются они во всех ситуациях, в РЖ – угощения и просьбы (1, 2)):

а) актуализация смысла «немного, небольшое количество» подкрепляется значением формы второго родительного падежа *чайку* «некоторое количество соответствующего предмета», сочетанием с предикатами смягчительного способа действия: *А... Тогда пошли, чайку попьем. Они устроились на кухне* (М. Зосимкина); *Все не важно и не имеет значения, кроме исторической целесообразности, – запомни это, тетя Паша, и плесни, пожалуйста, еще чайку* (Ю. Трифонов);

б) смягчительность может усиливаться за счет использования вводного слова *может* (*может быть*) в значении неуверенного подтверждения: *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская);

в) положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается лексемами с положительной оценочностью, нанизыванием диминутивных форм: *Сподобилась наконец? – Может, чайку горячего, с лимончиком? Кофейку с коньячком?* (М. Палей).

Речевой жанр угощения может быть реализован как прямой и как косвенный речевой акт. Как известно, в прямом речевом акте иллюкуция (прагматическая цель) выражена непосредственно, формально, доминирующим средством ее выражения является грамматическая форма предиката в повелительном наклонении (2 л. ед. и мн. ч.): – *Посидите с нами, хоть чайку попейте* (М. Трауб); а также вежливая форма совместного действия (1 л. мн. ч.): – *Давайте чайку выпьем с бутербродами, я как раз утром колбаски свеженькой купила* (А. Маринина).

Стереотипность конструкции и законы неформального общения обуславливают возможность опущения предиката: *А может, зайдете? Не водочки, так чайку? Не прибрано только у нас, вы уж извините...; – А к нам? Чайку? – В другой раз, спасибо* (И. Грекова).

Косвенные речевые акты угощения и просьбы могут быть выражены следующим образом:

а) вопрос о желании или возможности совершить действие: *Да не хочешь ли ко мне сперва чайку зайти напиться?* (И. С. Тургенев); *Вот такая большая мужская мечта. Чайку нальешь?* (М. Зосимкина); *Когда я у них жила, Петя без конца просил: Валентина, не дадите ли мне чайку?* (А. Терехов);

б) угощение как описание действия в ближайшем будущем: *Сейчас чайку попьем, вам сил прибавится. Меня Ксенией зовут, – представилась* (В. Михальский);

в) просьба с использованием предиката в сослагательном наклонении: *Хорошо бы чайку попить из самовара с крыжовенным вареньем...* (Е. Парнов).

В нарративы РЖ угощение переходит в виде:

а) рассказов о ситуации чаепития: *Вскипятил себе чайку, поел копченого тайменя, пряников, включил наш маленький батарейный приемник и завалился на рундук* (В. Аксенов); *Русский офисный досуг навроде «попить чайку с печеньками» показался бы им полным бредом* (А. Старобинец);

б) пересказов жанров приглашения, угощения и просьбы: *Тетка встретила меня чрезвычайно приветливо и стала уговаривать выпить чайку и подождать – «да она вот-вот вернется»* (В. Белоусова); *Я на кухню пошла чайку попросить с лимоном, а ихний шеф говорит...* (М. Зосимкина).

Анализ текстовых актуализаций форм *пивко, пивка*, несмотря на их количественно значительно меньшую представленность, обнаруживает как общие закономерности ситуативно-жанровых и собственно контекстных условий актуализации, так и определенное своеобразие. Как и в контекстах использования *чайку*, семантика неполноты, незначительности поддерживается в контексте использования лексики *пивка* глаголами однократного и смягчительно-ограничительного способов действия (*хлебнуть пивка, попить пивко, потягивать пивко*), нанизыванием диминутивов: *Попыхтел еще чуть-чуть, хлебнул пивка и уже вполне миролюбиво добавил...* (М. Зосимкина); *Постой, Захарыч, я только хлебу тут из холодильника пивка, а то вчера до ночи с ребятами...* (Д. Рубина); *Ну, пришли мои друзья посидеть, пивка попить, покататься – у нас же тут, поскольку горы и дожди, гольф-кары ездят не прямо по газону, а по специальным асфальтовым дорожкам* (П. Бурмистров); *Алик только успевал загружать стол графинчиками, пивком, селедочкой, соляночкой* и пр. (В. Аксенов).

В жанре угощения и жанре просьбы диминутив *пивко* реализуются через косвенный речевой акт: *Агамемнон внес два складных стула. «Пивка вам притащить, ребята?» – «Не помешает», – сухо сказал Тих* (В. Аксенов); *Слышь, кореш, – схватил его за рукав небритый хмырь с синяком под глазом. – Угостишь пивком, как оформимся? Ни копы не осталось, а трубы горят!* (Д. Корецкий).

На смену РЖ угощения в качестве доминирующего контекста диминутива *чайку* приходит РЖ приглашения как типовой контекст реализации *пивка*: *Может, посидим где? Пивка, рыбки... а? Я развел руками* (А. Волос).

II. Чешский язык

Исследование аналогичных русским диминутивам чешских единиц и ситуаций их использования дает возможность наблюдать контек-

стуальное варьирование данных единиц в чешском языке, обусловленное жанровыми и этнокультурными факторами.

Количественный анализ

Обращение к данным Чешского народного корпуса дало следующие результаты. На запрос *čajik* в открытом чешском корпусе SYN2015 было получено 5 документов, 5 вхождений искомой лексемы, на запрос *čajíček* – 23 документа, 28 вхождений (ČNK). Отметим, что количество вхождений форм *čaj* составляет 6 749, 758 документов, что свидетельствует о незначительной активности диминутива по сравнению с исходной лексемой. Иную картину наблюдаем в отношении диминутива *pívko*. На запрос *pívko* было получено 62 документа, 112 вхождений; на запрос *pivo* – 763 документа, 10 540 использований. Нами были проанализированы все контексты с чешскими диминутивами *čajík*, *čajíček*, *pívko*.

Сопоставление указанных чешских единиц демонстрирует явное преобладание форм *pívko* над *čajíček* (а также *čajík*) – 4:1, а также лексемы *pivo* над лексемой *čaj* – 3:2.

Качественный анализ

Анализ контекстов употребления форм *čajíček* (реже *čajík*) показал, что данные формы зафиксированы в преобладающем большинстве **в нарративах**: *A zas mlsáme čajíček, keksy, toast se salámem* (Bradbury Ray); *Do omrzení omíláte mantru “ve zdravém těle zdravý duch”. Vaříte si čajíčky, pročišťující tělo i mysl...* (McKinnon Gina). При этом (в отличие от русской аналогичной лексемы) чешский диминутив *čajíček* практически не связан с ситуацией угощения: *Ustaraný hypochondr s věčným kašlíkem a čajíkem od mámy, pán, co mi vařil hlavu pět let, než usoudil...* (Kocábová Natálie); *Přecházel jsem to, byl jsem slabej jako čajíček a nemohl dýchat”, – říkal (Aha!)*. Следует заметить, что лексема *čaj*, несмотря на малочисленность подобных контекстов, используется в нарративах, представленных пересказами жанра приглашения, угощения и просьбы: *Pokaždé, když šel kolem jejich domu, vybíhala na zápraží a volala: “Pane učiteli, nezajdete na čaj?”* (Gao Xingjian); *“A ty nám uděláš čaj, že”* Vyznělo to jako velký ústupek... (Parkkinen Leena). При этом многие из таких контекстов представлены в чешских переводах иноязычных текстов (чаще английских или китайских).

По всей видимости, объяснение низкой частотности как диминутивной, так и производной единицы связано с тем, что для чешской культуры в меньшей степени характерна традиция чаепития, чем для русской, в том числе приглашение на чай, угощение чаем, в отличие от приглашения выпить пиво, пивко. Чешский диминутив *čajíček* используется в ситуациях, только косвенно связанных с употреблением чая: *Kdysi z toho byli lidi nadšení, jak je to odvážný a vtipný. Dneska už*

to je čajíček (Тýden); *Proti tomu je George Alexander Louis, jak se jmenuje nový přírůstek britské královské rodiny, slabý čajíček* (Тýden); *Co se dělo klukům na katolických školách v tý době v Irsku, Rakousku a Německu a za co se teď papež Benedikt musí omlouvat, tak to byl čajíček* (Brycz Pavel).

В приведенных контекстах актуализируется значение неполноты признака, что, по-видимому, отражает мнение чехов о качестве данного напитка. Указанное значение подкрепляется контекстом через употребление прилагательных со смягчительной семантикой: *čajíček slabý, čajíček neškodný* (слабый, безвредный, невинный чаек и т.д.). Переносное значение единицы реализуется и через постоянную оппозицию *segodnja – včera*, в которой сегодня отождествляется с объектом, выраженным диминутивом, «заменяется» на него, за счет чего негативно оценивается: происходящее сегодня – это только слабое проявление того, что было вчера. Собственно оценочный и прагматический компоненты семантики диминутива, отражавшиеся в его прямом значении, сохраняются и в переносном. Показателен в этом отношении следующий пример, в котором демонстрируется незначительность денотата (в данном случае – музыки, утратившей былую энергию), выраженного диминутивной единицей и соотносимого со слабым китайским чайком: *Řečeno labužnickou metaforou: je to příjemně aromatický, ale slabý čínský čajíček servírovaný v dekorativním porcelánu* (Respekt). Как представляется, в этом случае диминутив «эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка» (Вендина 1998: 10).

Отметим, что, в отличие от русского диминутива, чешский аналог реализуется в жанре совета, рекомендации: *Ča jíčky: Osvědčený je fenyklový čaj, který může pít jak maminka, tak i dítě* (Моje rodina). Так, в журнале «Моя семья» рекомендуется употреблять фенхелевый чай, который можно пить как матери, так и ребенку. Подобное употребление чешского диминутива зафиксировано и в нарративах с описанием ситуации совета, рекомендации *Léčitelka Kubičkoví dala čajíčky, doporučila mu speciální dechové cvičení... Po čajíčcích bolet Kubička žaludek* (Valášek Karel), но уже с пейоративной оценкой. При этом речь идет о денотативно ином напитке, чем русский чаек, это лечебные, травяные и фруктовые чаи. Представляется значимым, что в большинстве случаев из-за разного семантического потенциала сопоставляемых диминутивов *чаек* и *čajíček* русский перевод чешского контекста посредством диминутивной единицы был бы не эквивалентным и неуместным: *léčebné čajíčky ~ лечебные чаи*.

Анализ контекстов на запрос диминутива *pivko* демонстрирует принципиально иную картину как в сравнении с аналогичным русским диминутивом, так и в сравнении с чешским диминутивом *čajíček*.

Прежде всего, как и в случае с русским *чаек*, доминирует актуализация рационально-оценочного компонента с ярко выраженным преобладанием положительного эмоционального фона коммуникации, который и создается использованием диминутивных форм *pivko*, а также *pivičko* (данная форма не зафиксирована в корпусе, однако используется в чешском разговорном дискурсе, как правило, в ситуации предложения, угощения в кафе, пабе).

Прагматическая направленность чешского диминутива, на наш взгляд, обусловлена прежде всего этнокультурным фактором: пиво – чешский национальный напиток, любимый и почитаемый чехами. В Чехии сложилась давняя традиция употребления этого напитка, которое сопровождается как неспешными разговорами о жизни, так и просмотром спортивных состязаний: “**Ještě pivko?**” *zaslechla Alena pana Dvořáka, když odcházela* (Szalaiová Romana); “**My jsme si včera zašli na pivko, aby se nám dnes lépe šlo**” *prozradil Marek Pospíšil z Velkého Meziříčí* (Regionální týdeník); *Můžem jít na bowling, tady vedle je fajnový centrum, OK, dáme si pivko, pokecáme o životě...* (Kocábová Natálie).

Среди рассмотренных контекстов отмечается преимущественное доминирование нарративов, описывающих ситуации, связанные с предложением выпить пиво, угостить пивом (заплатить за пиво), зайти на пиво, в которых, как и в случае с русским *чаек*, представлены 2 (иногда 3) субъекта: тот, кто приглашает зайти выпить пиво и, как следствие, платит за напиток; тот, кого угощают, а также тот, кто обслуживает это действие, – как правило, официант в кафе.

Контексты использования диминутивной формы *pivko* указывают на преобладающую положительную оценку напитка: *Dal se s náma do řeči a pozval nás na pivko* (Alvarez Sergio); *Chutnalo báječně, k tomu točené pivko, není co dodat...* *Dobrou chuť!* (Moje rodina); “*Občas si dám dobré točené pivko...*” (Sport). Указанная оценка поддерживается контекстно через использование устойчивых глагольных сочетаний типа *zajít na pivko*, *dát si pivko* и других лексем с положительной оценочностью: *dobré* (хорошее), *báječně* (сказочно) и т. п.

Характеристика пива переносится и на всю ситуацию его употребления, положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается внутри контекста единицами, создающими положительный образ чешской традиции «пивопития»: *V pátek jsem si navyknul chodit na pivko do místní vesnické hospody a z lidí, které jsem tam potkával, se stali kamarádi* (Žvábek Jaroslav); *Vždy jsme byli tak trochu do sebe zahledění hobiti, kteří mají rádi své pohodlí a pivko a kteří se moc nestarají, co se děje venku* (Respekt). Так, люди, с которыми чехи встречаются в местном пабе и пьют пиво, становятся друзьями, любящими покой и пиво.

Здесь наблюдается преобладание эмоциональной оценки над рациональной, семантика неполноты у этого диминутива выражена гораздо в меньшей степени, чем у лексемы *čajíček*.

Следует отметить еще одну особенность использования диминутива *pívko*: указание на единичность (несмотря на вещественность значения) обозначаемого денотата, его порционность (бокал, стакан), метонимически обусловленную использованием диминутива в жанре предложения, приглашения. Это связано с большей порционностью соответствующего напитка (в отличие от чая в русской лингвокультуре) и особенностью самого жанра приглашения на пиво в чешской культуре: каждой порции пива ведется счет, за нее необходимо будет заплатить. В этих случаях диминутивные лексемы поддерживаются использованием счетных единиц: *Jdeme si sednout na dvě tři pívka* (Deníky Moravia); *Tatka vedle mě už do sebe hodil první pívko* (Barbery Muriel).

Таким образом, анализ корпусных данных свидетельствует об этнокультурной обусловленности рассмотренных диминутивов, однако лексемы *pívko* и *čajíček* (а также *pivo* и *čaj*) характеризуются разной частотой употребления, что объясняется различными ситуациями их использования, этнокультурной спецификой самих жанров, порождающих их.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что проведенное исследование русских и чешских диминутивных единиц, называющих напитки, продемонстрировало вариативность их функционально-семантического потенциала, зависимость от контекста и преобладание прагматического компонента значения как русских, так и чешских диминутивов. При этом обращение к данным русского и чешского корпусов выявило значительные расхождения в рамках каждого из сопоставляемых языков в отношении исследуемых единиц:

1. Количественное преобладание русского диминутива *чаек* по сравнению с *пиво* и чешского *pívko* по сравнению с *čajíček*, а также явное преобладание русской единицы *чаек* по сравнению с чешской *čajíček* и предполагаемое преобладание чешской единицы *pívko* над русской *пиво*.

2. В качестве «этнокультурно обусловленных типовых социальных ситуаций», в которых актуализируются диминутивы, в русском языке выделяются ситуации угощения, приглашения и просьбы, в нарративах – рассказы о ситуации чаепития, описания жанров приглашения, угощения и просьбы. В чешском языке преобладает использование диминутивов в жанрах совета, рекомендации (для *čajíček*), в нарративах с описанием жанров приглашения (для *pívko*).

3. Отмечены различия в денотативных компонентах семантики исследуемых лексем в русском и чешском языках (*пригласить на чаек* – *фруктовый чай*).

4. Наблюдается преобладание общего положительного эмоционального фона коммуникации в контекстах с использованием русской единицы *чаек* и чешской *pivko* и отрицательного фона в контекстах с чешским диминутивом *čajíček*. Особенности выявленной вариативности объясняются культурно закрепленными традициями питья чая и угощения им в России и «пивопития» в Чехии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Объем национального корпуса русского языка (НКРЯ): 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов; объем открытого (доступного) корпуса современного чешского языка (ČNK): 3 376 документов, 8 004 732 предложения, 1 751 599 слов.

2. Об использовании корпусных данных в сопоставительных исследованиях, в исследованиях семантики и условий функционирования диминутивов см.: Воейкова 2009; Добровольский 2009; Нагель 2015 и др.

3. Здесь и далее контексты приводятся в соответствии с типом их представления в НКРЯ и ČNK.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая 1996 - Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
Вендина 1998 - Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с. (Библиотека Института славяноведения РАН, 10).

Воейкова 2009 - Воейкова М.Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 353–373.

Добровольский 2009 - Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 383–401.

Земская 1979 - Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.

Нагель 2015 - Нагель О.В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.

НКРЯ - Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 28.01.2018).

Резанова 2005 - Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.

Резанова 2017 - Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. DOI: 10.17223/18137083/60/14

ČNK - Český národní korpus (ČNK). URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 27.04.2018).

REFERENCES

Wierzbicka, A (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkiye slovari.

Vendina, T.I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik.

Voeikova, M.D. (2009) Problemy ispol'zovaniya podkorpusa ustnoy razgovornoy rechi (na primere analiza russkikh diminutivov) [Problems of using the subcorpus of oral colloquial speech (the analysis of Russian diminutives)]. In: Rakhlina, E.V. et al. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 353–373.

Dobrovolskiy, D.O. (2009) Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoy leksiki [The corpus of parallel texts in the study of cultural-specific vocabulary]. In: Rakhlina, E.V. et al. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 383–401.

Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems]. Moscow: Russkiy yazyk.

Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech': Obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General problems. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

Nagel, O.V. (2015) Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 3(41). pp. 226–240 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/16

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 28th January 2018).

Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizmax vyrazheniya otsenki [The nominal diminutive derivation in the evaluation expression mechanisms]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya*

vazyke i tekste [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 194–231.

Rezanova, Z.I. (2017) Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 161–173 (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/60/14

Český národní korpus [Czech National Corpus]. [Online] Available from: <https://www.korpus.cz> (Accessed: 27th April 2018).

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru